

Прóклятые поэты

Москва
2015

УДК 82-3
ББК 84(4Фра)
П80

Составление, предисловие *Евгения Витковского*

Перевод с французского

Оформление переплета «Великие поэты мира»
Натальи Ярусовой

Оформление переплета «Золотая серия поэзии»
Андрея Саукова

П80 **Проклятые поэты.** — Москва : Эксмо, 2015. — 416 с.

Шесть поэтов, так или иначе проклятых и отверженных судьбой, обществом, критиками, шесть имен, ставших бессмертными: Шарль Бодлер, Огюст Вилье де Лиль-Адан, Поль Верлен, Артюр Рембо, Тристан Корбьер, Стефан Малларме. Само понятие «проклятые поэты» и их перечень были даны Полем Верленом в цикле статей в 1883 г., по списку Верлена и составлен сборник. Многие переводы публикуются впервые.

УДК 82-3
ББК 84(4Фра)

- © Е. Витковский, составление, перевод, предисловие, 2015
- © А. Триандафилиди, перевод, 2015
- © М. Яснов, перевод, 2015
- © Ю. Лукач, перевод, 2015
- © Б. Булаев, перевод, 2015
- © В. Васильев, перевод, 2015
- © М. Козлова, перевод, 2015
- © Е. Кассирова, перевод, 2015
- © Я. Старцев, перевод, 2015
- © А. Кротков, перевод, 2015
- © Д. Манин, перевод, 2015
- © И. Голубоцкая, перевод, 2015
- © С. Петров, перевод. Наследники, 2015
- © В. Парнах, перевод. Наследники, 2015
- © Е. Кунина, перевод. Наследники, 2015
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-65573-1 (ВПП)
ISBN 978-5-699-65625-7 (ЗСП)

ПРОКЛЯТЫЕ ПОЭТЫ

Если углубляться в точные понятия, то литературного течения под названием «проклятые поэты» ни во Франции, — ни где бы то ни было, — не существовало никогда. В отличие от реальной «парнасской школы», объединенной вокруг антологии «Современный Парнас» (три выпуска в 1866—1876 годах), вокруг строго очерченных программ Теофиля Готье, Леконта де Лиля, Жозе-Марии де Эредиа и других поэтов, следовавших совершенно определенным канонам, — она-то *была*. А вот мысль о том, что существуют (во многом — именно в противовес парнасцам) еще и «проклятые поэты», родилась в голове одного человека и была закреплена им в цикле статей об отверженных и непризнанных собратьях по перу. Цикл статей назывался именно так — «Проклятые поэты». Автором этих статей был Поль Верлен. Современные нам историки литературы считают, что эти статьи привлекли к Верлену больше внимания, чем все его ранние стихи, что с них начинается его восхождение к вершине славы. Отчасти это обусловлено и неким моментом в личной жизни Верлена: полунищий преподаватель, отсидевший два года в бельгийской тюрьме за нелепое покушение на жизнь Рембо, в 1886 году, после смерти нелюбимой матери, получил наследство. Он перестал зависеть от добывания куска хлеба — и всю окупился в поэзию, в жизнь парижской богемы; по иронии судьбы именно такая ситуация сильно увеличила его творческую производительность. Его поздние сборники (особенно «Женщины» и «Мужчины») по сей день не переведены на русский язык: Верлен, по любым меркам, все-таки слишком многое там себе позволил в смысле «нравственности». Но это была Франция, а не викторианская Англия (где в подобной ситуации Уайльд угодил в тюрьму). Литературной славе богемная жизнь не мешала, стареющего (всего-то на пятом десятке лет) поэта с лицом сатира не только никто не трогал — его боготворили.

Как пишет Георгий Шенгели, «...в 1894 году скончался Леконт де Лиль. Журнал «La plume» предложил поэтам избрать ему «преемника», «короля поэтов». Поэты откликнулись, и большинство голосов получил Верлен (77 против 38, поданных за Эредиа)». Характерно, что самопровозглашенный «проклятый» сменил на троне короля (точнее, «прин-

ца») французских поэтов, вполне признанного «главного» из парнасцев — Леконта де Лиля, которому завещал свое кресло в «академии бессмертных» не столь давно скончавшийся Виктор Гюго. А когда умер Верлен — на его место «принца» был избран Стефан Малларме. Не зря им заканчивается наша антология, чей поименный состав почти целиком продиктован именно Верленом.

Цикл его эссе о «проклятых» был опубликован в 1883 году, годом позже он вышел отдельной книгой. В 1888 году книга была переиздана с дополнением новых очерков. Несмотря на то, что Верлен сумел дать весьма точные приметы «проклятых поэтов», число канонически «заявленных» имен первоначально было невелико — Верлен написал шесть статей, и только эти шесть имен могут быть определены единой, по сути дела одному Верлену принадлежащей формулой. В 1883 году Верлен создал очерки о Тристане Корбьере, Артюре Рембо и Стефане Малларме; в 1888 — о Вилье де Лиль-Адане, Марселине Дебор-Вальмор — и о себе самом; себя Верлен называл здесь псевдонимом — «Бедный Лелиан» («*Paucite Lelian*» — анаграмма от имени «*Paul Verlaine*».) Само понятие «проклятия», лежащего на поэта *просто из-за того, что он поэт*, как принято считать, Верлен позаимствовал из книги поэта-романтика Альфреда де Виньи «Стелло» (1832), где тот рассматривал трагические судьбы великих поэтов XVIII века — Николя Жильбера, Томаса Чатертона, Андре Шенье, иначе говоря, человека, сошедшего с ума (история смерти Жильбера обросла фантастическими вымыслами), нищего и гениального юноши-самоубийцы, а также легендарного, казненного на гильотине молодого аристократа. Но книга Альфреда де Виньи не часто упоминается даже в работах специалистов, тогда как формула, извлеченная из нее Верленом, дала росток мысли и образу, попав на плодотворную почву, которой был разум Поля Верлена.

Очень быстро понятие стало нарицательным, чуть ли не таким же естественным, как «классицизм» и «романтизм». К числу «проклятых» стали относить Бодлера, Нерваля, Лотреамона — а то и вовсе жившего четырьмя столетиями ранее Франсуа Вийона. Появилось мнение, что «проклятых» немало не только во Франции: к ним причислили Кита, Эдгара По... словом, «проклятый» стало означать чуть ли не «великий, непризнанный, несчастный, но достойный высших похвал, умерший в неизвестности, но достойный мировой сла-

вы» — и т. д., иначе говоря, слово стало менять значение, превращаясь по смыслу в свою противоположность.

Но мы попробуем вернуться к первоначальному, заложенному именно Верленом значению, и предложить читателям в России именно тех «прóклятых», которых перечислил Верлен, — сделав лишь одну замену: творчество Марселины Дебор-Вальмор (1786—1859), стихи которой оказали на Верлена сильное влияние, мы позволили себе заменить поэзией Шарля Бодлера: тоже «предшественника» списка Верлена, но... поэта, основательно и многократно перелагавшегося на русский язык великими русскими мастерами, чьи имена можно найти в подписях под переводами. Наверное, творчество Дебор-Вальмор тоже достойно издания отдельной книгой, но пока что у нас нет русских переводов, которые убедили бы читателя в ее «прóклятости». Да, она была недооценена, но принадлежала совсем иной эпохе, да и Верлен написал работу о ней больше для обоснования того, что у его героев были предтечи. Гений Бодлера, напротив, служит для нас эталоном «прóклятости», причем составитель при отборе открывающих нашу книгу стихотворений постарался доказать читателям: именно темная, не знающая запретов муза и судьба Бодлера породила будущее поколение «прóклятых».

Отчасти условным можно считать и включение в число «прóклятых», и имя великого новеллиста Вилье де Лиль-Адана: однако это мнение Верлена, книга стихотворений у этого автора есть, — к сожалению, малый объем сборника не позволил включить сюда поэму «Эрмоса», известную у нас по переводу М. Яснова, — к тому же мрачная, готическая муза Вилье де Лиль-Адана все равно так или иначе стоит над всей французской литературой второй половины XIX века; его новеллы изданы в «Литературных памятниках» — словом, мы скорее используем повод обратить еще раз читательское внимание на многогранность его дарования.

Что же касается имен Верлена, Рембо, Корбьера и Малларме — здесь корректировать (даже обсуждать) субъективный список Верлена мы не вправе. Эти поэты давно и прочно стали достоянием русского читательского обихода, будучи, как и Бодлер, многократно переведены, с другой — это действительно «прóклятые» поэты. Так или иначе, но «прóклятые» судьбой, читателями, критиками, сменой литературных вкусов.

Как отличить парнасцев от прóклятых, «гидропатов» от «романской школы», как уловить тонкую разницу между

чуть ли не сотнями достойных внимания поэтов той эпохи? Наверное, никак. В России уж точно. Нам скорее приходится ориентироваться на мнения собственных литературоведов и поэтов. А у них мнения темны и противоречивы, как знаменитое место из 17-го псалма Псалтири (ст. 12), в церковнославянском переводе звучащее: «темна вода во облацех». Словом, в понятиях у нас — немалая путаница.

Путаницу понятий именно в России первым устроил не кто-нибудь: это был Иннокентий Анненский. В его книге (изданной под псевдонимом *Ник. Т-о*) «Тихие песни». СПб, 1904, как отдельный раздел присутствовал сборник стихотворных переводов «Парнасцы и проклятые». Культ имени Анненского, почтение к нему как к поэту, переводчику и ученому было очень велико — особенно в среде акмеистов и их учеников. Анненский, первопроходец поэтического перевода современной ему французской поэзии, ничего плохого не умышляя, смешал тех, кто группировался вокруг «Современного Парнаса», — с теми, кого Верлен десятилетием позже охарактеризовал как «проклятых». К тому были основания: многие из «проклятых» хоть немного, да напечатали в легендарных антологиях «Парнаса». История собраний «парнасцев» давно написана со слов очевидцев, по документам и публикациям. Никакой истории у «проклятых» нет и не будет, они — отщепенцы общества и культуры, лишь иногда, чаще всего — посмертно, обретающие славу и благодарность читателей.

...Наступил очень противоречивый XX век и, стремясь разложить всех по полочкам групп и классов, обреченных противостоять друг другу, спутал и перевесил вывески, сместил значения слов и определений. Может быть, к тому были основания. Однако не надо забывать, что саму категорию «проклятых» поэтов придумал все-таки один человек — гений. Этого оказалось достаточно. Вымысел оброс плотью.

«Парнасская школа» помимо Франции развилась и достигла блеска лишь в Бразилии. «Проклятых» можно отыскать почти в любой стране, и Россия не исключение. Не ровен час, в поэзии Древнего Рима таковых полным-полно, жаль одного — таким поэтам обычно не дают жизни, не дают спокойно ни дышать, ни творить. А иначе — какие же они «проклятые»?

Но мы попробуем вернуться к истокам. К списку Верлена. Заглянем из XXI века в век XIX. Это нетрудно: надо лишь прочесть книгу, которую вы держите сейчас в руках.

Евгений Витковский

Шарль
Бодлер

(1821–1867)

СООТВЕТСТВИЯ

Природа — темный храм, где строй столпов живых
Роняет иногда невнятные реченья;
В ней лесом символов, исполненных значенья,
Мы бродим, на себе не видя взоров их.

Как дальних отгулов прерывистая хрия
Нам предстоит порой в единстве звуковом,
Так в соответствии находятся прямо
Все краски, голоса и запахи земные.

Меж ароматами есть свежие, как плоть
Младенца, нежные, как музыка гобоя.
Зеленые, как луг. Другие — расколоть

Хотят сознание, и, чувства беспокоя
Порочной роскошью и гордостью слепой,
Нас манят фимиам, и мускус, и бензой.

Перевод Б. Лившица

МАЯКИ

Река забвения, сад лени, плоть живая —
О Рубенс — страстная подушка бранных нег,
Где кровь, биясь, бежит, бессменно приливая,
Как воздух, как в морях морей подводных бег!

Весь сей экстаз молитв, хвалений и веселий,
Проклятий, ропота, богохулений, слез —
Жив эхом в тысяче глубоких подземелий;
Он сердцу смертного божественный наркоз!

Тысячекратный зов, на сменах повторенный;
Сигнал, рассыпанный из тысячи рожков;
Над тысячью твердынь маяк воспламененный;
Из пущи темной клич потерянных ловцов!

Поистине, Господь, вот за Твои созданья
Порука верная от царственных людей:
Сии горящие, немолчные рыданья
Веков, дробящихся у вечности Твоей!

Перевод Вяч. Иванова

ЦЫГАНЫ

Вчера клан ведунов, с горящими зрачками,
Стан тронул кочевой, взяв на спину детей
Иль простерев сосцы отвиснувших грудей
Их властной жадности. Мужья со стариками

Идут, увешаны блестящими клинками,
Вокруг обоза жен, в раздолии степей,
Купая в небе грусть провидящих очей,
Разочарованно бродящих с облаками.

Завидя табор их, из глубины щелей
Цикада знойная скрежещет веселей;
Кибела множит им избыток сочный злака.

Изводит ключ из скал, в песках растит оаз —
Перед скитальцами, чей невозбранно глаз
Читает таинства родной години Мрака.

Перевод Вяч. Иванова

ПРЕДСУЩЕСТВОВАНИЕ

Моей обителью был царственный затвор.
Как грот базальтовый, толпился лес великий
Столпов, по чьим стволам живые сеял блики
Сверкающих морей победный кругозор.

В катящихся валах, всех слав вечерних лики
Ко мне влачил прибой, и пел, как мощный хор:
Сливались радуги, слепившие мой взор.
С великолепием таинственной музыки.

Там годы долгие я в негах изнывал, —
Лазури, солнц и волн на повседневном пире.
И сонм невольников нагих, омытых в мире,

Вай легким веяньем чело мне оведал, —
И разгадать не мог той тайны, коей жало
Сжигало мысль мою и плоть уничтожало.

Перевод Вяч. Иванова

ЧЕЛОВЕК И МОРЕ

Как зеркало своей заповедной тоски,
Свободный Человек, любить ты будешь Море,
Своей безбрежностью хмелеть в родном просторе,
Чьи бездны, как твой дух безудержный, — горьки;

Свой темный лик ловить под отсветом зыбей
Пустым объятием и сердца ропот гневный
С весельем узнавать в их злобе многозвенной,
В неукротимости немолкнувших скорбей.

Вы оба замкнуты, и скрытны, и темны.
Кто тайное твое, о Человек, поведал?
Кто клады влажных недр исчислил и разведал,
О Море?.. Жадные ревнивцы глубины!

Что ж долгие века без устали, скупцы,
Вы в распре яростной так оба беспощадны,
Так алчно пагубны, так люто кровожадны,
О братья-вороги, о вечные борцы!

Перевод Вяч. Иванова

ДОН ЖУАН В АДУ

Когда Жуан сошел на Стикса берег зыбкий
И бросил свой обол гребцу унылых мест,
Угрюмый проводник с цинической улыбкой
Рукою мстительной схватил свой длинный шест.

Метались женщины под черным сводом ада,
С грудями смятыми, толпой полунагой,
И словно жуткий рев из жертвенного стада,
Вился вослед ладьи протяжный, долгий вой.

Слуга напоминал, смеясь, бывшие звенья,
Тогда как дон Луи трепещущим перстом
Указывал теням того, чьи дерзновенья
Смеялись над его седеющим челом.

В печали, вся дрожа, Эльвиры тень святая
Близ мужа — и того, в ком вся была любовь,
Холодные уста улыбкой искажая,
Всю прелесть первых клятв напоминала вновь.

И в каменной броне из камня мрачный воин,
Застывший исполин, держался у руля...
Но, опершись на меч, недвижим и спокоен,
Жуан лишь видел бег струи от корабля.

Перевод А. Курсинского